

Михаил Кольцов
ЗАГАДКА – СТАЛИН
(Правда. 1929. 21 декабря)

Рабочие приветствуют, поздравляют Сталина. Они шлют ему телеграммы, пишут письма, приходят сами – пожать руку, посмотреть и сказать несколько слов.

Рабочие, правда, немного удивлены, как – разве уже пятьдесят? Думали – гораздо меньше. Никогда не сказали бы...

Да, пятьдесят. Многие из нас начали жить по-взрослому только с Октябрьской революции. А у Сталина в час первого выстрела с "Авроры" уже было за плечами девятнадцать лет подпольной работы, тюрьмы и ссылки, шрамов от царских нагаек, марксистских споров, кружков, партийных расколов, тяжелых физических и идейных испытаний. Вычтите эти девятнадцать напряженных, как стиснутые зубы, напряженных лет – да, он еще молод.

Все остальное понятно рабочим в Сталине. Его трубка, его френч, его речи, его шутки. Трубка обыкновенная, френч тоже. Речь развивается строго по порядку: во-первых, во-вторых, в-пятых, в-шестых. Шутки простые и произносятся не часто. Но, если произносятся, – никогда не в порядке иронии или горького сарказма. Слабые места того дела, за которое дерется Сталин, – не смешат его.

Рабочим понятен Сталин. А для других он – тайна. Странная неразрешимая загадка, над чьим раскрытием изо дня в день обильно трудится, сердито гудя ротационными машинами, возбужденно брызгая заголовками, мировая печать.

"Сталин – таинственный обитатель Кремля".

"Сталин – диктатор шестой части мира и глава коммунистов всех остальных стран".

"Сталин – победитель всех оппозиций".

"Сталин – непостижимая личность".

"Сталин – коммунистический сфинкс".

"Сталин – загадка".

Сотнями статей, тысячами заметок, десятками тысяч телеграмм, несчетной бумажной мошкаррой реет вокруг Сталина мировая буржуазная печать. Разглядывая в лицо, и в профиль, и со спины. Не понимает. Расспрашивает у советских людей и получает, хотя и точные, но странные ответы.

– Что же, он хитер?

– Пожалуй. Во всяком случае, не даст себя одурачить.

– Жестокий человек?

– Жестокий – нет. Но жесткий – безусловно.

– Его речи имеют успех?

– Да. Но он старается поменьше их произносить.

– Воинственен?

– Когда дерется – да. А до боя – миролюбив.

– Все же трудно понять и соединить.

– Да, трудно. Очень трудно понять Сталина, если не понимать еще кое-чего.

И мы подтвердим еще раз, еще сотню раз, да, Сталин есть загадка. Трудная, мучительная, наглухо запертая загадка – если брать Сталина так, как его берет воображение буржуазного мира. В одиночку, как отдельного человека, как отдельного политического деятеля, как диктатора.

Сталина нельзя понять без его окружения, без класса и партии, его выдвинувших, без сочетания задач и целей, за которые они все вместе борются.

Сталин загадка, да. Так же, как любимые его идеи, за которые он победоносно дрался все эти годы. Социализм в одной стране, реконструкция, пятилетка, колхозы, самокритика – разве это все не загадки? Разве это не настоящие загадки-головоломки для

буржуазии и в переносном и в прямом смысле? Когда полностью реализуется их смысл, капиталистический мир сломит голову.

Рабочий класс эти "мистические", загадочные идеи имеет в своем обиходе как реальные, будничные, бесспорные дела. Он строит социализм на отвоеванном участке, не искушаясь болотными огнями зарубежной демократии. Он пересоздает свою промышленность, оставив далеко позади уже кажущееся жалким наследие буржуазного эксплуататорского накопления. Он титанически пересоздает социальные отношения в деревне и вместе с ними сельское хозяйство. Он действует по строгому, твердому хозяйственному плану и выполняет этот план с высоким превышением. Он чистит свой собственный государственный аппарат и кроет его в государственной же печати, и был бы удивлен, что могло быть иначе.

Потому детскими кажутся рабочему классу загадки, созданные обывательщиной и буржуазией вокруг Сталина.

– "Диктатор, глава коммунистов"? Да, глава в Центральном Комитете так же, как главой состоит избранный всякой ячейкой секретарь. Рабочий класс не жмурится пугливо от слова "диктатура". Он пришел с этим словом к власти, к борьбе и с ним идет к социализму, к бесклассовому обществу.

– "Хитрый, жесткий"? Да, по нашему, рабочему поручению. Попробовал бы он без этого иметь дело с капиталистическим миром, маневрировать в штурмовую историческую погоду, в окружении опытных и хитрейших врагов!

– "Миролюбив, но воинственен"? Да, это противоречиво. Конечно, заграничные зеваки столбенеют, узнав, что красные войска, переступив маньчжурскую границу, нанеся жестокие потери распоясавшимся белокитайцам, не ринулись, как всякая другая армия, дальше, а вернулись назад, на свою территорию. В этом – мудрая выдержка классового бойца, до конца верного идее мира и подымающего оружие только для обороны социалистической стройки.

Да, для крупнейшего министра западного правительства Сталин есть тайна и загадка. А секретарю цеховой ячейки он понятен и прост. Секретарь цеховой ячейки, день ото дня шагая в такт с генеральным секретарем, знает и чувствует то, что можно выразить, переложив слова самого Сталина о ленинизме:

– Ленин есть величайший марксист и вождь рабочего класса эпохи империализма и пролетарской революции.

– Сталин есть сильнейший ленинец трудной послеленинской эпохи, с ее новыми противоречиями и классовыми боями.